

К кн. Вяземскому

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 25 января, 2025
К кн. Вяземскому К КН. ВЯЗЕМСКОМУ

Благодарю, мой друг, тебя за доставленье
Твоих пленительных стихов!
На Волге встретилось с тобою вдохновенье!
Ты, с крутизны ее лесистых берегов
Смотря на пышные окрестностей картины,
С природы список нам похожий написал.
И я тебе вослед мечтою пробегал
    Прибрежных скал вершины;
Смотрел, как быстрые крылатые струга,
    Сокровищ земледельца полны,
Рулями острыми разрезывали волны;
Как селы между рощ пестрили берега;
Как дым их, тонкими подъямляся столбами,
Взвивался и белел на синеве лесов
И, медленно всходя, сливался с облаками, –
Вот что, по милости твоих, мой друг, стихов,
    Как наяву, я видел пред собою.
Прочел я их один, потом прочли со мною
Тургенев с Гнедичем, и Блудов, и Дашков.
Потом и критику-богиню пригласили
Их с хладнокровием, ей сродным, прочитать.
Мы, слушая ее, стихи твои херили,
Тебе же по херам осталось поправлять!
Вот общий приговор богини беспристрастной:
    «Ваш Вяземский прямой поэт!
Он ищет простоты, но простоты прекрасной;
И вялости в его стихах признака нет.
Дар живописи он имеет превосходный!
Природу наблюдать его умеет взор!
Презревши вымыслов блистательный убор,
Он в скромной простоте, красам природы сродный,

Живописует нам природы красоты!
Он в ней самой берет те сильные черты,
Из коих создает ее изображение
И списка точностью дивит воображенье».
Такой был общий приговор!
Потом перебирать свободно
Богиня принялась стихи поочередно,
И вышел строгий перебор!
Послушай и поправь, когда тебе угодно!
Благоухает древ
Трепещущая сень. Богиня утверждает
(Я повторяю то, поэту не во гнев),
Что худо делает, когда благоухает,
Твоя трепещущая сень!
Переступившее ж последнюю ступень
На небе пламенном вечернее светило –
В прекраснейших стихах ее переступило,
Да жаль, что в точности посбилося на пути;
Нельзя ль ему опять на небеса взойти,
Чтоб с них по правилам грамматики спуститься,
Чтоб было ясно все на небе и в стихах?
И скатерть синих вод сравнялась в берегах:
Равняться в берегах твоих ей не годится,
Когда в моих она сравнялася давно
Не синей скатертью, а попросту рекою:
Мой стих перед тобою,
Но красть у бедняка богатому грешно!
О сем стихе, где живописи много:
Кто в облачной дали конец тебе прозрит?
Богиня говорит,
И справедливо, хоть и строго:
Прозреть, предвидеть – все равно!
Прозреть нам можно то одно,
Что не сбылось еще, чему лишь можно сбыться;
Итак, сие словцо не может пригодиться
К концу реки! Он есть давно, хотя и скрыт.
Ты вместо вялого словечка различит,

Великолепное прозрит клеил не к месту
И безобразную с ним сочетал невесту:
И неподвижный взор окованный стоит!
Как хочешь стой, но он в жестоком положении!
Из одинаких весь сей стих лоскутьев шит:
    Стоит, оковы, недвиженье –
Одно! Такой халат читателя смешит!
Огромные суда в медлительном паренье:
Запрещено, мой друг, – и нечем пособить! –
Указом критики судам твоим парить:
Им предоставлено смиренное течение;
    А странное: столбы на них –
    Простым словцом: и мачты их
Сама своей рукой богиня заменила!
Но те твои стихи она лишь похерила,
    В которых ты, внимая гласу волн,
    Нам говоришь: люблю гнать резво челн
По ропотным твоим зыбям и, сердцем весел,
    Под шумом дружных вёсел
И прочее: зво... челн – ей неприятный звук.
А вёсел рифма ли на весел, милый друг?
Жаль! Ведь последний стих разительно прекрасен!
Воображению он сильно говорит;
Но рифма вздорная косится и брюзжит!
Как быть? Она деспот, и гнев ее ужасен!
Нельзя ли рифму нам другую приискать,
Чтобы над веслами беспечно задремать,
Не опасаясь, чтоб вздорщицу смутили,
И также, чтобы нас воздушные мечты,
А не тяжелые золотые веселили?..
Но наше дело – хер! Поправки ж делай ты.
Покаты гор крутых! – не лучше ли пещеры?
Воспрянувших дубрав! – развесистых дубрав,
Или проснувшихся! Слова такой же меры,
А лучше! В этом вкус богини нашей прав!
Воспрянувших, мой друг, понятно, да не ясно.
    Все прочее прекрасно!

Но я б весьма желал, чтоб своды глас забав
Не галлицизмами окрестности вверяли,
А русским языком волнам передавали.
Младое пенье их – прекрасная черта!
Их слава ясная, как вод твоих зеркало!
Стих сильный, а нельзя не похерить начало!
Поставь, прошу тебя: и слава их чиста,
Чтоб следующим трем был способ приютиться.
О двух других стихах – прекрасных, слова нет –
Ни я, ни критика не знаем, как решиться:
В них тьма, но в этой тьме скрывается поэт!
Гремящих бурь боец, он ярости упорной
Смеется, опершись на брег, ему покорный!
Боец не то совсем, что ты хотел сказать.
Твой Гений, бурь боец, есть просто бурь служитель,
Наемный их боец; а мне б хотелось знать,
    Что он их победитель!
Нельзя ли этот стих хоть так перемарать:
Презритель шумных бурь, он злобе их упорной
Смеется, опершись на брег, ему покорный!
Презритель – новое словцо; но признаюсь:
Не примешь ты его, я сам принять решусь!
К Фетиде с гордостью... Твоей, мой друг, Фетиде
Я рад бы из стихов дорогу указать.
В пучину Каспия приличней бы сказать.
Сравнение полней, и Каспий не в обиде!
    А бег виющийся ручья –
        Неловко – власть твоя;
Я б смело написал: журчащего в дубраве.
    Спроси о том хоть музу ты свою,
Виющийся идет не к бегу, а к ручью.
Вот все!.. Согласен будь иль нет, ты в полном праве!

19 сентября 1815 г. Goşgular